

Александр Варго

Папа

Часть сборника
Альфа-самка (сборник)

Александр Варго

Папа

«ЭКСМО»

2014

Варго А.

Папа / А. Варго — «Эксмо», 2014

«... Владимир сглотнул и огляделся по сторонам. Взгляд остановился на разжатой ладони попрошайки в липких разводах и ссадинах. Преодолев брезгливость, он опустил пальцы на кисть мужчины, нащупывая пульс. Рука была холодной. Сзади раздались детские голоса, к которым примешивался женский. Мать с детьми.— Мама, а что это дядя делает? — любопытствовал мальчик, толкая перед собой самокат.— Идем быстрее, — напряженно сказала женщина. Девочка в коляске что-то агукнула, и ее брат засмеялся. Вскоре их шаги затихли, и Кузнецов встал на ноги. Они слегка дрожали. Нищий был мертв...»

© Варго А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

19 апреля, понедельник, 19:45	6
20 апреля, вторник	8
21 апреля, среда, 00:25	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Варго

Папа

События, изложенные в этом рассказе, являются вымыслом автора. Любые совпадения случайны.

Только дурак может праздновать годы приближения смерти
Джордж Бернард Шоу

Все, что мы имеем в этой жизни, мы либо заслужили, либо допустили.
Изречение

19 апреля, понедельник, 19:45

Многие считают понедельник тяжелым днем, но Владимир Кузнецов не был согласен с подобным утверждением. Считаешь, что этот день для тебя будет трудным, – так обязательно и случится. Ибо не фиг ставить себе психологические установки, самовнушение – вещь заразная.

Сегодня он успел практически все, что запланировал, но небольшой сбой все же произошел. Последним пунктом в списке дел Владимира числился визит в магазин игрушек (Насте, его дочке, в это воскресенье должно было исполниться пять лет), но у его «Лексуса» неожиданно заклинила коробка передач.

«Вот попал», – отметил он, ругая себя за то, что в выходные не смог выкроить пару часов, чтобы отогнать автомобиль в ремонт. Ведь давно уже собирался!

После того как машину эвакуировали в сервис, он взглянул на часы. До закрытия детского торгового центра оставались считанные минуты. Владимир подумал о такси, после чего с неохотой был вынужден признать, что с покупкой подарка Настюше придется повременить. По крайней мере до завтра.

Ничего, все форс-мажоры предусмотреть нереально. Главное – не заикливаться на эмоциях. Когда что-то идет вразрез с твоими планами, нужно вовремя принять единственно правильное решение и идти дальше.

К своим тридцати восьми годам Владимир имел все, о чем многие мужчины его возраста могли бы только мечтать. Работа в сфере пластической хирургии приносила ему хороший доход. Уютная, со вкусом обставленная квартира, загородный дом, строительство которого было закончено этим летом. И, конечно же, замечательная семья – обожаемые им жена Иринка и дочка Настюша. Точнее, Настеньш – так он ее любил называть. А скоро их семья пополнится еще одним человечком. При мысли об этом Владимир улыбнулся – он вспомнил, как Ира, задыхаясь от счастья, сообщила ему о беременности.

«Володя, этого малыша дарит нам Бог», – выпалила она, смахивая слезу. Он обнял ее, понимая правоту супруги – после рождения Насти все попытки зачать ребенка были, фигурально выражаясь, бесплодными. А Владимир всегда мечтал о сыне. И когда УЗИ подтвердило, что на свет появится мальчик, счастьем его не было предела.

Поразмыслив, Владимир решил не брать такси, тем более что до дома оставалось не более трех кварталов. В конце концов, вечерняя ходьба весьма полезна, учитывая, что он и так не особенно балует свое тело физическими нагрузками.

Кузнецов спустился в подземный переход. Он был почти пустым, не считая нищего побитой рушкы, который сидел в гряде тряпья, прислонившись к стене. Владимир инстинктивно ускорил шаг – он презирал бомжей и прочих асоциальных личностей, хотя и не любил затрагивать эту тему. Будучи твердо убежденным, что каждый в своей жизни получает по заслугам, он никогда не подавал милостыню.

Поравнявшись с бродягой, он все же не удержался и скосил глаза, к своему внезапному удивлению заметив, как из тряпья выглянула детская головка.

Ребенок. Лет пять-шесть. Мальчик?

Владимир замешкался. Нищий хрипло закашлялся и приоткрыл заплывшие глаза.

– Дай десятку, парень, – прокурренным голосом проговорил он. – Хоть засранную десятку.

– Иди работать, – машинально ответил Владимир. Он смотрел на малыша, кутавшегося в рванину. Боже, он же совсем кроха!

– Я угробил себе позвоночник на сраном заводе, – без каких-либо эмоций, отрепетированным тоном парировал забулдыга, отсекая тем самым любые необоснованные обвинения в свой адрес. Он поскреб заросший подбородок. – Я ведь не прошу у тебя ключи от твоей тачки.

– И на том спасибо, – усмехнулся Владимир, пряча в карман ключи от «Лексуса», которые он все это время машинально крутил в руке. Он не сводил глаз с ребенка. Громадные глаза малыша, в свою очередь, не отрывались от мужчины. Они были светло-голубыми, словно Бог, создавая эту кроху, передал его глазам частичку небесной лазури. Необычайно красивый цвет глаз резко контрастировал с чумазым худым личиком мальчугана.

Попрошайка продолжал что-то бубнить про урод-начальника и несовершенство пенсионной системы, смачно вплетая в свою речь непечатные выражения, но Владимир не слушал этот бред – его рука уже потянулась к борсетке.

– Купи что-нибудь своему сыну, – он положил перед нищим пятисотрублевую купюру. Бомж мгновенно умолк, изумленно таращась на деньги, словно незнакомец вытащил их не из борсетки, а как минимум из заднего прохода.

– Слышишь? Не пропивай все, – потребовал Владимир. Он еще раз взглянул на малыша. Тот полностью высвободил голову из-под рванья, и Кузнецов изумленно выдохнул. Теперь, когда он увидел волосы ребенка, стало ясно, что это девочка.

– Не пропью, – энергично закивал бомж, сграбастав купюру своей грязно-мозолистой лапой.

– Папа...

Владимир вздрогнул. Девочка с надеждой заглядывала ему в глаза.

Он повел плечом, словно стряхивая с себя вязкое оцепенение, и торопливо зашагал прочь.

(папа)

– Эй, парень! Спасибо! – хрипло донеслось ему в спину.

Оставшуюся часть пути до дома Кузнецова одолевала только лишь одна мысль.

Кого имела в виду девочка?

В эту ночь он плохо спал.

20 апреля, вторник

Машина была готова уже к обеду, и Владимир тотчас же отправился в сервис.

– Открою вам секрет, – понизив голос, произнес мастер, когда Кузнецов усаживался в автомобиль. У парня был такой вид, словно он сообщал Владимиру некую страшную тайну, за разглашение которой грозит неминуемая смерть. – У этих моделей все коробки – говно.

Владимир сдержанно улыбнулся, пообещав, что примет во внимание сей непреложный факт.

«Нужно заехать за игрушкой Насте», – мелькнула у него мысль. Он потер покрасневшие от недосыпа глаза.

Конечно. Сегодня он точно это сделает.

Его выбор остановился на роликах (Настя давно канючила, выпрашивая их) с полной защитной экипировкой к ним – шлемом, наколенниками и налокотниками.

Проезжая мимо подземного перехода, Кузнецов неожиданно нажал педаль тормоза. Зашипели покрышки, «Лексус» послушно остановился. Владимир смотрел на уходящие вниз ступеньки, чувствуя, как где-то глубоко внутри у него что-то царапнуло, и он почему-то подумал о котенке, который случайно зацепился коготочком за диванную подушку.

Ребенок, девочка.

Интересно, они так и сидят в переходе? Тот вчерашний бомж с малышкой?

«Нужно было позвонить куда-нибудь, – внезапно подумал он и в какой-то момент испытал нечто похожее на угрызение совести. – В полицию, больницу, например...»

Перед ним вдруг ясно встала ужасающая картина – этот вонючий алкаш с оплившей рожей, получив вчера от него деньги (угробленный на заводе позвоночник у него, конечно же, чудесным образом, излечился), наверняка помчался в ближайший магазин за бутылкой, оставив кроху одну в загаженных тряпках. А потом этот козел напился в хлам, начисто забыв о девочке, и она осталась одна в подземном переходе.

Теперь ему было по-настоящему стыдно. Стыдно и страшно.

Я пошел домой, даже не обернувшись. В теплую квартиру, где меня ждали ужин и семья. А малолетняя девочка осталась фактически на улице. Полуголая, наверняка голодная. Им и идти-то, наверное, некуда...

Владимир чуть ли не бегом бросился вниз.

Из его груди вырвался вздох облегчения, когда он увидел знакомую фигуру вдали. Клошар сидел в точно такой же позе, в которой находился вчера вечером.

Владимир остановился возле него, выискивая среди рваной одежды девочку. Он приподнял край старого заплесневелого пальто и увидел головку ребенка, обрамленную светлыми волосами. Несмотря на то, что они буквально лоснились от грязи, Владимир не сомневался, что после хорошей ванны и сушки эти волосы будут необычайно красивыми.

Бездомный и его дочь спали.

Кузнецов присел на корточки, с трудом преодолевая брезгливость, – вонь от тряпок шла несусветная.

Ему почему-то захотелось дотронуться до щеки девочки, но он боялся реакции разбуженного ребенка.

(папа)

Владимир с отвращением взглянул на нищего. Ему даже не хотелось допускать мысли о том, что это спившееся ничтожество является отцом или еще каким-либо родственником малышки.

Он повнимательнее взглянул на бомжа и нахмурился. Неподвижно застывшее тело и слегка приоткрытый рот мужчины показались ему неестественными. Неестественными для... (для живого человека)

Владимир сглотнул и огляделся по сторонам. Взгляд остановился на разжатой ладони попрошайки в липких разводах и ссадинах. Преодолев безгливость, он опустил пальцы на кисть мужчины, нащупывая пульс. Рука была холодной.

Сзади раздались детские голоса, к которым примешивался женский. Мать с детьми.

– Мама, а что это дядя делает? – любопытствовал мальчик, толкая перед собой самокат.

– Идем быстрее, – напряженно сказала женщина. Девочка в коляске что-то агукнула, и ее брат засмеялся.

Вскоре их шаги затихли, и Кузнецов встал на ноги. Они слегка дрожали.

Нищий был мертв.

Взор Владимира метнулся к девочке. Улыбаясь, она смотрела на него.

– Как тебя зовут? – спросил он, ощущая какую-то странную беспомощность. Девочка молчала, лишь на ее губах играла легкая улыбка. Она вылезла из тряпья и теперь доверчиво смотрела снизу вверх на мужчину.

Мимо прошли два подростка. Громко обсуждая сексуальные достоинства какой-то знакомой девушки, они даже не замедлили шаг.

(папа).

Владимир моргнул. Ему почудилось, или кроха снова произнесла это слово?

Ее нужно забрать отсюда.

Кузнецов достал мобильный телефон. Стараясь не смотреть на ребенка, который не сводил с него полного надежды взгляда, он позвонил в «Скорую» и сообщил о происшедшем. Потом, вспомнив о мертвом соседе девочки, сделал точно такой же звонок в полицию.

– Папа, – отчетливо прошептала малышка. Откуда-то из лохмотьев она извлекла почерневшего от грязи плюшевого зайца, уши которого тоскливо болтались угрюмо-рванными мочалками. Она прижала игрушку к себе, и Владимир неосознанно подумал о подарке для Насти. Бог ты мой... И *это* игрушка для девочки?! Дранный, вонючий комок плюшевого дерьма?!

– Это твой папа? – спросил он, указывая на труп.

«Сейчас она увидит... и очень быстро поймет, *что* случилось с ее папой».

Но девочка даже не взглянула на мертвое тело. Она вообще вела себя так, словно этого дурно пахнущего мужика никогда и не существовало. Она протянула к нему худую ручку, словно прося о помощи, но Кузнецов непроизвольно шагнул назад.

«Нет. Если ты возьмешь ее на руки, она ни за что не захочет слезть обратно».

Кроха потянулась к нему, жалобно похныкивая, и Владимир почувствовал, как в горле у него увеличивается плотный ком, затрудняющий дыхание. При этом в нем росло понимание, что этот случай ничего не значит в его жизни. И вряд ли что-то изменит. Подумаешь, маленькая бездомная девочка... Таких сотни по стране, если не тысячи. Сейчас сюда приедут представители специальных служб и ее увезут в детский приют... А он пойдет домой и через три дня даже не вспомнит об этой истории.

Он понимал это. Но почему-то глубокий взгляд широко раскрытых глаз крохи, глаз, в которых светилось умытое летним дождем небо, опровергал эти мысли, и Владимир уже знал точно – он не забудет этот случай.

Так они и стояли друг перед другом. Владимир кусал губы, ежеминутно поглядывая на часы – ну где же эти врачи-оболтусы?!

Когда приехала «Скорая», девочка заплакала. Горько и безутешно, она размазывала по чумазому личику слезы, протягивая к нему свои тоненькие ручки-палочки. Владимир стоял в стороне, тупо уставившись на спортивные кроссовки одного из санитаров. Кузнецов внезапно

подумал, что эти кроссовки выглядят чуждо и странно в этом уныло-грязном переходе – наверняка им было бы больше по душе гонять мяч по траве.

«Что-то я стал излишне сентиментальным».

Ни с того ни с сего он почувствовал себя предателем. Развернувшись, он поплелся наверх. Сев в машину, Владимир медленно тронулся с места. В мозгу, пульсируя, все еще болезненно резонировал плач незнакомой девочки.

Ему казалось, что за эти минуты, которые он провел в переходе, жизнь забрала у него пару десятков лет. Таким разбитым он себя давно не чувствовал.

Ирине подарок для Насти понравился.

– Надеюсь, ей все подойдет, – с надеждой сказала она.

– Ты же мне эсэмэс присылала с размерами, я по ним и выбирал, – произнес Владимир, думая о своем.

Они поцеловались, и он нежно погладил живот супруги.

– Как мы сегодня себя чувствуем? – спросил он. – Пока еще не толкается?

– Утром пихнулся два раза, – улыбнулась Ирина. – А чувствуем мы себя великолепно. Думала, как мы назовем нашего малыша.

– Вот как! Что, уже выбрала конкретное имя?

– Арсений, – произнесла она немного смущенно, и щеки женщины слегка заалели, будто бы она волновалась, что супругу это имя может прийтись не по душе. – Как тебе?

Владимир обнял жену.

– Знаешь, самое поразительное, что именно так хотели назвать меня мои бабушка с дедушкой, – сказал он. – Но родители настояли на Вове. Арсений? Мне нравится. Я – за.

За ужином Настя все время крутилась – ей не терпелось вернуться в комнату, где ее ждал новый альбом-раскраска. Наконец, запихнув в себя последний кусок котлеты, она убежала, забавно подпрыгивая. Владимир включил телевизор, поймав новостной канал.

– Ты сегодня задумчивый какой-то, – заметила Ирина.

– Правда? Устал немного, – рассеянно ответил Кузнецов, ковырнув вилкой остывающее пюре. Из головы не выходило мокрое от слез личико несчастной бродяжки, которую он снова сегодня встретил.

(папа)

Помедлив, он рассказал все Ирине. Жена отреагировала предсказуемо, впрочем, по его мнению, как и подавляющее большинство людей.

– Какой кошмар, – сказала она, начиная собирать посуду.

И все.

Началась реклама, по окончании которой стали передавать выпуск чрезвычайных происшествий.

Владимир с опустошенным видом отодвинул в сторону почти нетронутую тарелку. Затертая до дыр фраза «какой кошмар» как реакция на шокирующую информацию почему-то всегда вызывала у него скепсис. Сейчас же после слов жены по неизвестной причине он испытал глухое раздражение, отчего даже немного испугался. Что это с ним?

«Ирина, она же ничего не поняла».

Это правда. Она *не видела* эту кроху, спящую в провонявших тряпках. Она не могла чувствовать то, что чувствовал он, молча глядя, как она с надеждой в глазах тянет к нему свои тоненькие, как палочки, исцарапанные ручонки.

«Успокойся. Ты действительно устал».

Да.

– Ты ничего не поел, – встревоженно сказала Ира, когда он передал ей тарелку.

– Перед выездом на работе чаем с тортом угостили, – соврал Владимир. – Лаборантка одна перед отпуском проставлялась. Извини, что сразу не сказал.

– Ты мне смотри там... тортики с лаборантками...

Кузнецов уже хотел сострить, но его перебил доносящийся с экрана телевизора голос диктора:

– ...серьезное ДТП на пересечении улицы Лобачевского и Мичуринского проспекта... карета «Скорой помощи» потеряла управление... несколько раз перевернулась, после чего автомобиль загорелся...

Владимир медленно повернул голову, забыв обо всем на свете. Ира о чем-то спрашивала его, но он не слышал жену.

– ...сидевшего рядом с водителем выбросило через лобовое стекло. Он скончался до приезда своих коллег... Водитель заживо сгорел в машине...

На экране мелькнуло распростертое тело погибшего, под которым темнела лужа крови. Очевидно, во время аварии одна кроссовка с бедолаги слетела, и Владимир безмолвно взирал на оставшийся предмет обуви.

Белая спортивная кроссовка.

Сводки жуткого ДТП сменили новости о родителях-садистах, моривших голодом своих детей, но перед его глазами пульсировал кадр, запечатлевший белую кроссовку.

Он выключил телевизор, только сейчас поняв, что Ирина давно ушла с кухни.

Почему ничего не было сказано о ребенке?! О девочке, которую увезла «Скорая»?! Что с ней-то?!

«Ничего. В смысле, ничего страшного, – успокаивающе произнес внутренний голос. – Они отвезли ее в больницу и поехали по другому вызову».

Конечно. Вполне могло быть и так, но отчего-то эта версия казалась Владимиру неправдоподобно-хрупкой, словно шаткий картонный домик. Уж слишком мало времени прошло с тех пор, как ребенка забрали врачи.

Он попытался убедить себя в том, что на какой-то кроссовке свет клином не сошелся (мало ли врачей носят спортивную обувь), но и это почему-то не успокаивало, все было бесполезно. Так же бесполезно, как и отвечать себе на вопрос, почему его так волнует судьба чужого (папа!)

ребенка.

– Может, ее куда и не увозили, – неожиданно вслух произнес он. – Этот колдырь не умер, я просто ошибся, когда щупал у него пульс. Он проснулся и поднял хай, когда увидел, что девочку хотят забра...

«Бред. И тебе об этом известно», – внутренний голос быстро прервал его раздумья.

Лежа в кровати, он неожиданно спросил Ирину:

– Знаешь, мне вот тут недавно подумалось... Если бы мы не могли иметь детей, ты согласилась бы на усыновление?

Жена удивленно взглянула на него.

– Почему ты спрашиваешь? У нас прекрасная дочь. И скоро будет сын!

– Я все понимаю, – мягко сказал Владимир. – И тем не менее. Знаю, ты очень хотела ребенка. Предположим, все эти ЭКО и прочие современные средства забеременеть не дали бы результата. Как ты думаешь, смогли бы мы?..

– Не знаю, – после недолгого размышления ответила Ирина. – Да, мне жаль этих несчастных малышей в приютах, но, Володя, чужой ребенок всегда будет чужим. Вспомни, с каким трудом нам далась Настюша.

Да, Владимир помнил. Еще бы не помнить – роды Ирины оказались неожиданно сложными настолько, что даже потребовалось его присутствие.

– Я не уверена, что у меня хватит мужества и силы воли, чтобы относиться к нему как к родному. Не знаю, – повторила она и провела указательным пальцем по груди супруга. – Иди ко мне.

– Настя спит? – полюбопытствовал Кузнецов, но она уже закрыла его рот поцелуем.

21 апреля, среда, 00:25

После секса Ирина завернулась в одеяло и мгновенно уснула. Владимиру снова не спалось. Он проворочался в кровати час, сходил на кухню, попил воды, заглянул в туалет, но, поняв, что его мочевой пузырь еще не готов избавиться от содержимого, уныло вернулся в спальню.

Проклятая кроссовка не выходила из головы.

Неужели девочка тоже погибла при аварии? А если нет, почему о ней не было сказано ни слова в сводках?!

Кузнецов задремал лишь к трем часам утра, и ему приснился странный сон.

Он у себя в операционной комнате. На лице маска, руки в перчатках.

– Ты готов? – скрипит чей-то неприятный голос. Как будто кто-то водил вилкой по стеклу, и этот невыносимый звук вспарывал мозговое вещество.

– Готов, – хочется крикнуть ему, но из глотки рвется сиплый свист, мало чем отличающийся от мерзкого голоса. Пот застилает глаза, но вытереть его некому – он один. За дверью какая-то возня – похоже, подвезли пациента для операции.

Владимир оглядывается на разложенные инструменты, и ему становится не по себе. Вместо скальпеля, зажимов и прочих необходимых приборов для операции на грязном полотенце лежит здоровенный кухонный нож, поблескивая свежей кровью. Владимиру даже чудится, что от крови вьется пар, словно нож только что вынули из еще живой плоти.

Дверь открывается, и к столу не спеша подъезжает каталка. На ней что-то бесформенное, накрытое простыней, сквозь которую проступают грязно-желтые пятна гноя.

Владимир хочет возмутиться, но он просто сбрасывает простыню. Среди груды зловонных лохмотьев лежит девочка. Та самая, светловолосая. На ней нарядное голубое платье, из-за спины виднеются полупрозрачные крылышки. Лобик крохи облегает тонкий обруч с двумя усиками-антенками. Бабочка. Милая, сказочная бабочка.

– Почему ты называла меня папой?

Девочка улыбается.

– Потому что ты мой папа, – с присущей детям непосредственностью отвечает она. – Только сегодня я – бабочка. А ты – мой заяц. Иди ко мне, мой зайчонок.

Владимир хочет улыбнуться в ответ, но улыбка гаснет, не успев появиться. Его пугает белизна кожи девочки, ее остекленевшие, круглые, как шарики, глаза. Лишь только рот открывается и закрывается, словно у послушной куклы. Перед ним живой труп.

– Мой заяц, – хрипло шепчет девочка. – Мне сегодня уже десять лет, папа. Помнишь?

Владимиру трудно дышать. Он срывает маску и, ударившись о стол (окровавленный нож с лязгом летит на пол), бредет к выходу.

– Ты еще успеешь спасти меня, – клокочет сзади труп в платье-бабочке. – Спаси меня. Куда ты?

У выхода зеркало. Владимир ловит свое отражение и отшатывается. Что это с ним?! Он осматривает себя, потом ощупывает. На нем костюм какого-то дурацкого зайца – подобных анимешных зверьков часто можно встретить на новогодних шоу. Только его костюм – грязный, свалявшийся, скверно пахнущий, как то тряпье, в котором сидит

(дочь)

девочка, а свисающие уши все в засаленных колтунах. И кровь, кровь повсюду, словно вместо операции он несколько часов забивал скот.

– Мой заяц, – поет мертвый ребенок, начиная приподниматься с каталки. Крошечные пальчики с сухим хрустом сжимаются и разжимаются. – *Мой милый зайчик.*

Владимир скинул с себя одеяло, тяжело дыша. Рядом сонно повернулась на другой бок Ирина.

Кузнецов с трудом спустил ноги вниз. Его трясло, как после глубочайшего похмелья. Господи.

Как он мог забыть об этом?

Он проковылял в ванную и брызнул на лицо холодной водой.

Вернувшись в комнату, взял с тумбочки часы. Полпятого.

Сегодня он уже не заснет, это точно. Тем более все равно через пару часов вставать на работу.

Тихо, стараясь не разбудить жену, Владимир вышел в прихожую. Ему нужно проветриться.

«Ты же знаешь, куда собрался. Тебе нужно *другое*».

Ему не понравился этот вкрадчивый голос, прозвучавший в его сознании, – он был похож на тот, который разговаривал с ним во сне.

– Я... Я просто покатаюсь, – пробормотал он, заводя «Лексус».

Через полчаса Владимир был на месте аварии.

Он поежился, увидев, что осталось от покореженной остановки. Судя по всему, следы страшного ДТП убирали наспех, и кое-где еще валялись осколки стекла. Асфальт чернел от копоти, он все еще источал запах гари.

Кузнецов бесцельно бродил вокруг, пытаясь привести в порядок свои мысли.

Нет, ему определенно нужно отдохнуть. В отпуск, да-да, именно в отпуск. И не просто поваляться на диване, задрав ноги перед телевизором, а куда-нибудь на море. Подальше, в Доминикану, например. Его нервы уже ни к черту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.